

Есть женщины в русских селеньях

Встреча с земным Ангелом

В доме Александры Павловны Артемовой прохладно, отопление давно отключено, но удивительно согревает атмосферу ее личная доброта и радушие. Говорят, «с кем поведешься, от того и наберешься». А в жизни хозяйки гостеприимного дома была незабываемая встреча — бабушка мужа Феврония, настоящая старица. Назовем ее именно так, потому что жизнь этой страдальцы, была наполнена постоянным подвигом молитвы и милосердия. Хотя судьба преподнесла ей тяжкие испытания: людское поругание, горечь потерь и лютые скорби. Не смотря ни на что удивительным светом любви, доброты и милости к людям сияла ее душа, не озлобившись, не сломившись, не растратив добросердечия.

Доверчивое сердце Александры Павловны тоже встретилось с несправедливостью и страданием. И люди отвернулись, но не бросил Бог — подал помощь верующей душе! Как знать, может, именно по молитвам бабушки Февронии? И за чашкой ароматного чая Александра Павловна вспоминает с дочерней любовью о той, которая так по-простому помогала молодой невестке в новом доме и осталась в ее памяти как особое благословение свыше, как встреча с человеком Божиим.

Рассказывает прихожанка Васильевской церкви Александра Павловна Артемова:

—Бабушку моего мужа звали Донских Феврония Терентьевна. 150 лет назад ее мама (к сожалению, я не помню имя), ходила в Иерусалим. Мать ее взяла как-то посошок и пошла пешком в святой град. Шесть месяцев дома не была. Только море паломники переплывали на судах. Домой она принесла святые иконы, одна из них Успенская Божия Матерь камушками вся украшенная, ладан, деревянный крест под стеклом и крестик нателный да красный камушек-святину, она называла ее «кровь Христа». Когда церковь в нашем селе закрыли (это в Новоурьеве в Тамбовской области), бабушка и свекровь моя, осылались ею утром перед едой. Все это досталось бабушке в дар от матери.

А семью самой бабушки, Февронии Терентьевны, советская власть раскулачила. У нее было четыре сына и дочь, которая моей свекровью впоследствии стала. Муж бабушки Февронии Василий был мастерской человек — веревки вил, валенки валял. А в деревне — этот промысел доходный. Его первого угнали в город Козлов (сейчас Мичуринск). Там ему предложили: «Напиши заявление в коммунисты, и мы тебя отпустим!» Василий отказался и сумел жене записку с кем-то передать: «Не знаю, свидимся ли еще когда-нибудь. Может, я не вернусь, потому что я не пошел в коммунисты и не предал Бога! Береги деток!» И с тех пор, как его сослали, больше она его не видела. Муж не вернулся. Бабушка забрала святину Иерусалимские, и с пятью детьми пошла скитаться и побираться от дома к дому. Просила кусок хлеба. А люди разные, кто пустит переночевать, кто нет, все терпела безропотно. Четырех сыновей похоронила.

Бабушка Феврония, сколько, я ее знала, мяса никогда не ела. У нее 12-ти лет утонул брат, и тогда она дала обет — не есть мясного совсем. Постилась и молилась за него сильно. Сестра мужа забрала ее дочку Анну к себе, а бабушка пошла в прислугу. И у директора школы прослужила в доме 15 лет. Семь детей у него вырастила. И по хозяйству трудилась, и готовила. Говорила мне: «Они меня не обижали». Да как же нет? Хозяйка спать ложатся, а перед ней корыто, да стирка вручную почти до утра! А утром рано надо встать, сготовить, детей в школу проводить, скотину накормить... Бабушка себя считала очень грешной: «Дочку свою мне было жалко. У хозяев овец постригу, пойду золу высыпать и пучок шерсти землей прикопаю, а потом дочке и отдам на варежки да на носки». Хозяйка, у которых она жила, были люди захиточные, а батрачила бабушка за кусок хлеба.

После уже, когда дочь ее Анна вышла замуж, и свою первую дочку родила, Валю (это старшая сестра моего мужа), бабушку Февронию забрали они к себе жить. Она до самой смерти пенсии не получала, считала, что это грех. И

свекровь моя говорила: «Если желания нет у нее получать пенсию, пусть не получает, разве мы ее не прокормим!»

У них все в роду искренне верующие люди были и жили только своими трудами. Вот у бабушки племянник и племянница, дядя Ваня и тетя Люба, жили вместе, тоже пенсии не получали. Жили урожаем с огорода. Мы приедем, гостинцы привезем, яблок, денежки дадим, а они еще не хотели принимать. Тетя Люба мне: «Шура, у нас все есть, мука, рис, крупы всякие, хлеб сама пеку. У тебя дети, не надо, не надо!» Но мы все равно подарки оставим, а она дивилась: «Иван, ты погляди, какие яблоки где-то растут!» А Иван-то слепой!

Наш край очень набожный, особенно Тамбовская область. У нас покойников выносят только с певчими и до самой церкви поют: «Святый Боже...» Когда церкви не было, верующие женщины все исполняли. Чтобы кого без чтения «Псалтири» похоронили — такого у нас нет. Трое суток непрерывно читают «Псалтирь». У нас бабушка одна чаще других читала по домам, мы ее «монашкой» звали. Вот маму мы похоронили и на сороковой день душу провожали. Как? Все дети выходят из дома, на восток — три поклона кладут. Нас семерых поставила «монашка» в ряд и так мы с мамой прощались.

Сама бабушка Феврония каждый день «Псалтирь» читала. Она с ней не расставалась ни на секунду. Вот как я ее шесть лет знаю. Она уже старенькая была. Дела уже никакие не делала. На диване сидела перед печкой. У нее был диванчик, а под подушкой большая книга, с которой она не расставалась. Это «богослужебный требник», книга для священника. Муж ее Василий, которого репрессировали, до ареста он пел в церковном хоре на клиросе. Наверное, когда церковь закрывали, верующим раздавали все на сохранение. Так и попала, скорее всего, к бабушке эта книга, где «здравницы» о поминовении еще царица Николая I и вся его семья вписаны. Вот такая древняя церковная книга осталась у бабушки Февронии. Сейчас я ее бережно храню.

А какой бабушка была человек золотой — за всю жизнь ни с кем никогда не поругалась ни разу, даже не прере-

«Любящим Бога все содействует ко благу» и Церковь Христова совершает спасение при любых внешних условиях. Все наказания — лекарств, и чем горше болезнь, тем больше врачевание».

Протоиерей Александр Шаргунов

калась, всегда всем улыбалась. Смирная очень была. Вот я чужой человек к ним пришла, а она меня любила, как свою дочь. И с детьми моими она мне во всем помогала. Двое у меня там родились. Я не знала, как купать первого ребенка. И свекровь все забыла. А бабушка Феврония, она была худенькая, сгорбленная, плохо слышала уже, а мне все ласково объясняла и сама помогла купать. Или ночью сынок мой раскричится, она глуховата, но услышит, возьмет его в колясочке, укатит в свою комнату и укачает, а мне дала поспать. Это единственный человек в моей жизни, в котором доброты было столько, что через край переливалась! Помню, я ночью во двор и то выйти боялась, она пойдет со мной, стоит на крыльце и с улыбкой потом спрашивала: «Ну что, кто тебя съел?»

Вот постом я о ней думаю: «Ну, все, бабуля наша умрет, как же она выдержит пост?!» А когда в печке уже уголь прогорает, бабуля картошечку туда бросит и спечет. Так вкусно! Она мне отдаст и сама смеется: «На, поешь, я еще спеку». И варила щи без мяса с кислой капустой очень вкусные. Зажаривала лук и морковку, туда же укроп и все приправки. Мы с Колей придем и съедим не те, что свекровь с мясом наварила, а бабушкины постных. Она опять радуется: «Ну, я еще сварю!» И такая улыбка у нее была добрая. Я тогда работала товароведом. Принесу домой пряники и прямо к ней. А она еще удивляется: «Да что ж ты меня так любишь-то!» Да как же не любить! Я ее очень любила! И не ощущала, что она не моя бабушка. А прожила я с ней всего шесть лет. Она не ходила ни к кому, ни с кем не сплетничала, больше молчала. На огороде травку-сорняки в фартук порвала, и на межу высыпала. Ручки помыла и домой. И все молилась.

И никогда никого она не осудила. Самой ей совершенно ничего не нужно было. Она молилась, и молилась, и молилась только. За всех молилась. И всем как могла, помогала. У свекрови моей муж рано умер, в 32 года поехал в Сибирь на заработки и сильно простыл. А тогда лечили-то как! Вот дочери-вдове с тремя детьми бабушка и помогала. Вера в роду от бабушки Февронии передалась ее старшей внучке, Валентине. Она как с Украины к нам приедет, только и просит по храмам ее возить. Валя многие святини Иерусалимские и забрала к себе после смерти свекрови. Когда они дом на Украине построили и привезли священника за 40 километров дом освящать, он увидел их и говорит: «Сейчас таких святинь ни в одной церкви нет!»

Прожила бабушка Феврония почти 90 лет. Последний раз видела ее за несколько месяцев до смерти, она спрашивала: «Шура, ты приедешь хоронить меня? Знаю, ты боишься покойников. Не бойся, я к тебе не приду, не беспокою, но хоронить приезжай!» Это я отца-то своего мертвого боялась. А ей и говорю: «Бабушка, лишь бы только все было хорошо, я обязательно приеду!» А роды были у меня тяжелые, плохо себя чувствовала, так и не поехала, ребенку всего два месяца было. Сама только из больницы, еле выкарабкалась. И получилось, что Коля один ездил, а я не смогла. Знаю, она не обиделась. У этого человека никогда не было никакой обиды. Настолько она была не человек, а Ангел просто, таких людей уже нет теперь на белом свете! Все мы люди, но уже не такие, все нам чего-то не хватает, все ропщем. У бабушки Февронии ничего своего не было и при том, все было. Она жила с Богом. Верю, что она и сейчас с Ним!

Духовный опыт

Плата за ошибки

Безбожное советское лихолетье, отняв у народа Бога, плодило духовные дурманы. Люди, очарованные ими, совершали серьезные ошибки. Платили за них дорогую цену. Но, какое счастье, когда человек еще на земле перестрадает из-за них! И Светлана Викторовна Гладарева, прихожанка Васильевской церкви, благодарит Бога за скорби, которыми она познала Того, Кто неизречно человеколюбив и милостив.

Рассказывает Светлана Викторовна Гладарева:

— Раньше мы все были некрещеные дети. Родители уехали в санаторий отдыхать. Нас бабушка папина, ее звали Евдокия, всех внуков собрала, это во Фрунзе, в Киргизии было, повезла и окрестила. Ничего не объяснила. Я в классе третьем, наверное, училась тогда. Нам интересно было, и мы бегали по церкви, а бабушки нас «нехристями» звали. И обряд крещения я помню, помню — мне было просто смешно. К тому времени ведь уже начали спутники запускать, в школе говорили, что Бога «там» нет. Прости меня, Господи! Родители работали всегда и в семье о Боге вообще никогда речи никакой не было. На каникулах нас оставляли с бабушкой и я каждое утро видела, что она в платочке начинает молиться. Я ей говорила: «Бабушка, но ведь Бога нет!» И про спутники ей рассказывала. А бабушка мне отвечала: «У тебя еще все впереди, потом узнаешь, что Бог есть!»

Позже мы с мужем жили на Байконуре в космическом городке. Чистый, красивый городок. Снабжение хорошее. Был в нем филиал авиационного института Московского. Муж был военный врач, лечил космонавтов, а я санитарно-эпидемиологический врач и лечила все гражданское население. Мне приходилось быть и хирургом, и терапевтом, и педиатром.

Когда родился сын, он часто болел простудными заболеваниями. Это заставило меня его окрестить, потому что мой муж, Владимир, рассказывал, как он буквально умирал в детстве, — ему было около года. Мама у него тоже врач. И бабушка позвала батюшку малыша окрестить. Батюшка его окрестил, и он наутро был здоров. Вот такое чудо. Этот рассказ я помнила и Олега тоже окрестила. Даже в той же церкви, что и меня крестили. И кто-то доложил об этом «наверх». Муж же коммунистом был, и директором лечебно-диагностического центра Байконура. И его вызывали «на ковер», песочили, как это у такого руководителя крестят ребенка?! А муж был мягкий человек, никогда никому слова лишнего не сказал, терпел. Ему объявили выговор.

Не знаю откуда, сын мой в 8-9 лет уже знал молитвы. Я не знала, ведь абсолютно никакой литературы духовной не было. Тоже заинтересовалась молитвами. Потом на моем пути объявился Кашпировский (и всякие там по телевизору). Меня это заинтересовало. И я стала на лоб, туда-сюда ложки, вилки и железки прикладывать, вижу, у меня держатся на теле и не спадают. Даже страшно стало: держится, притягивается, прилипает. Позвонила сразу мужу: «Приезжай, что-то со мной не так!» Он удивился этому случаю.

А потом на Байконур стали приезжать всякие экстрасенсы. Я, конечно, смотрела это все. Одна из них говорила: «Кресты на теле не надо носить, Христос там распят и страдает. Сколько мы будем мучить Христа?! Пора снимать кресты с себя!» Меня это смущало, появились сомнения в правильности таких слов. Но вывода не сделала верного. Потом к нам в госпиталь работать медсестрой поступила «ясновидящая» Татьяна. Я почему то стала искать ее и пришла к ней. Она говорит: «Я тебя долго ждала!» Мы с ней стали общаться, ведь она и в церковь ходила, что меня подкупило. У нас там церковь православную организовали. Я — первая прихожанка записалась. Татьяна «целить» людей стала. По Байконуру стали ходить всякие разговоры, что она «излечивает». Меня это заинтересовало как врача. Тем более, показалась мне она человеком добрым. Много позже Таня сказала, что она из «Белого братства», только никто об этом не должен знать? У меня опять появилось смущение, даже отторжение, но до конца так и не сумела я это отторгнуть. Она показала мне письмо от своего руководителя, в странном письме он писал обо мне: «У твоей белокурой сестры своя дорога, идите рядом, но не вместе!» Вскоре мы собрались переезжать в Краснознаменск. Татьяна мне сказала: «Ты будешь «лечить» там!» И в Краснознаменске мне в гостинице выделили кабинет. Там я беседовала с местным батюшкой, он меня на это «лечение» благословил, потом вдруг скоростно умер.

Продолжение 4 странице